

Глава 31

Атмосфера в зале застыла, точно стоячая вода в пруду. Чжао Ци замерла, словно громом пораженная; барышня никак не могла прийти в себя от такой наглости.

Дочь самого уездного начальника Миншуя! Когда это какой-то деревенщина смел так с ней разговаривать?

— Ты! Что за чушь ты мелешь?! — Чжао Ци вскочила, лицо её пылало от гнева, а палец, направленный на Тао Цинъюя, мелко дрожал.

Продавец рыбы же сохранял вид полнейшей невинности, и голос его по-прежнему гремел на весь зал:

— Мелю? Я не мельник, моя фамилия — Тао.

— Ах ты... Ну погоди у меня! — барышня топнула ногой и уже собралась было выбежать из зала, но Чжоу Сяоу вовремя спохватилась и перехватила её за руку.

Отпустить гостью сейчас было нельзя — если она уйдет в таком состоянии, скандала не миновать.

— Сестрица Чжао, он же... у него уши... — девочка запнулась, не зная, как оправдать друга.

Тао Цинъюй ободряюще взглянул на неё.

«Валяй, не бойся. Я человек широкой души, на правду не обижусь»

Сяоу зажмурилась и выпалила:

— Вы же знаете, что у него со слухом беда. Вы ведь человек благородный и великодушный, не станете же вы на него обижаться? О вашей доброте и красоте весь уезд твердит, вы для нас — пример для подражания...

Чжао Ци гневно обвела взглядом остальных. В ярости она и слышать ничего не желала, но, коснувшись пальцами своего лазурного платья, сшитого специально к этому дню, она немного поостыла.

Поняв, что гостя колеблется, Сяоу поспешила усадить её обратно на место. Чжоу Сяолю тем временем прыгнул с табурета и принялся зазывать остальных:

— Дядюшки, тетушки, прошу вас, продолжайте трапезу! Блюда же стынут. Кушайте на здоровье!

Гости, сделав вид, будто ничего не произошло, вернулись к еде, в зале снова зазвучали смех и звон чаш. Чжао Ци лишь метнула в сторону Юй-гээр испепеляющий взгляд. Она принялась разглаживать складки на юбке, стараясь вернуть себе вид высокомерной и недостижимой барышни.

Больше за столом колкостей не звучало, но аппетит у Тао Цинъюя пропал окончательно. Кое-как дождавшись конца пира, он вышел во двор, надеясь, что прогулка поможет улечься тяжести в животе. И надо же было такому случиться — Чжао Ци оказалась неподалеку.

— Сестрица Чжао, ну что вы право... Вы же знаете, это просто деревенщина, стоит ли на таких злиться? — донесся голос одного из гээров, сидевших с ними за столом.

— Тебе-то что! — резко оборвала его дочь начальника. Голос её, доносившийся из-за деревьев, сочился ядом. — Я никогда не лгу.

— Странно всё это — как только этот недомерок из семьи Цинь сумел пристроиться к Чжоу? Мой отец уже всё распланировал... А в доме Чжоу только и знали, что отнекиваться: мол, у Линьи уже есть кто-то на примете. Да если и есть, с чего бы такую спешную свадьбу играть?

— Наверняка этот гээр увидел богатство семьи Чжоу и залез в постель к Линьи, а потом чистотой своей пригрозил, вот тем и пришлось...

Тао Цинъюй горько усмехнулся. Он обернулся: дом Чжоу сиял огнями, празднично одетый Линьи, раскрасневшийся от вина, принимал поздравления гостей.

«Чистотой пригрозил...»

«В этом мире, где гээры и так были бесправны, знала ли она, как дорого стоит доброе имя? Если эти сплетни дойдут до Чжу-гээр, бедняга закроется в комнате и проплачет всю ночь»

В густых тенях сада, куда лишь изредка падали блики фонарей, глаза Цинъюя недобро блеснули.

Луна поднялась высоко, пир мало-помалу подходил к концу. Хозяева провожали гостей; у ворот кареты сменяли одна другую, унося приглашенных по домам. Хозяин Сяо Юй стоял в тени переулочка, не сводя глаз с самого роскошного экипажа. В руках он сжимал сверток, и пальцы его нетерпеливо подрагивали.

Послышался шорох. Юноша вздрогнул, решив, что это крыса, но тут кто-то легонько ткнул его в бок. Цинъюй едва не подскочил на месте, а обернувшись, увидел Чжоу Сяолю и Сяою.

— Вы чего тут?

Сяолю бесцеремонно выхватил у него матерчатый мешочек и встряхнул. Внутри застрекотали сверчки.

— Сверчки — это мелко.

— Используй это, — Сяою впихнула в руки Цинъюя корзинку, предварительно достав оттуда пару «снарядов».

Сяолю ослепительно улыбнулся и, припрятав мешочек со сверчками за пазуху, тоже вооружился яйцами. Юй-гээр ощутил прилив гордости за подрастающее поколение.

Он набросил на голову плащ, который ему дал Фан Вэньли, и замер в ожидании. Переулок был узким, кареты проходили почти вплотную к углу. Юноша дождался нужного момента и ловким движением опрокинул корзину с тухлыми яйцами прямо в открытое окно экипажа Чжао.

Младшие Чжоу не отставали: они с азартом забросали карету остатками яиц, после чего, подхватив Цинъюя под руки, бросились наутек. Слуги семьи Чжао всё так же невозмутимо погоняли лошадей, не сразу сообразив, что произошло. Зато изнутри донесся истошный крик, перешедший в визг:

— Что это?! Фу! А-а-а!

Чтобы их не узнали, они сделали огромный крюк через половину уезда, прежде чем вернуться. Если этот недотепа-начальник сумеет их отыскать, значит, у уезда Миншуй и впрямь есть надежда на светлое будущее.

***

В доме Чжоу хмель уже всю гулял по залам. Фан Вэньли, который весь вечер честно заменял жениха у кубка, теперь неподвижно сидел на стуле, погруженный в молчание.

— Цунлю, в комнатах уже прибрано. Ты сегодня изрядно потрудился, оставайся-ка у нас на ночь, — Чжоу Ми, отец новобрачного, подошел к нему с предложением.

Учитель Фан лишь через некоторое время медленно покачал головой, продолжая неотрывно смотреть на входные ворота.

— Да не трогай ты его, папа, — Чжоу Линъи быстро зашагал прочь, бросив на ходу: — Он своего фулана дожидается.

Родители понимающе переглянулись.

— Хорошо, я велю слугам присмотреть за ним, — улыбнулась У Ваньнян. — А ты иди к себе. Кстати, Сяоу и Сяолю не видел?

— Должно быть, уже спят, — бросил Линъи.

Но стоило ему договорить, как помяни черта — в ворота вошел Цинъюй, ведя за собой запыхавшихся младших.

— Ох... ох... — Сяоу едва переставляла ноги. Она привалилась к плечу брата, глаза её ввалились от усталости. — Всё, больше не могу... Смерти моей хотите...

Сначала это они вели Юй-гээр за собой, но потом юноша так припустил, что им пришлось едва ли не лететь за ним.

Родители поспешили к детям:

— Где это вы пропадали?

Сяолю лишь виновато улыбался, не решаясь открыть правду.

— Мы слышали, что творилось за столом, — мягко произнес Чжоу Ми, который уже обо всем догадался. — Правду скажите — набедокурили ведь?

Сяоу молча спряталась за спину Тао Цинъюя. Тот, восстановив дыхание, почтительно поклонился старшим:

— Простите меня. Это я не сдержался и, боюсь, навлек на ваш дом неприятности. Мне очень жаль.

У Ваньнян с теплой улыбкой подняла его за плечи:

— Это мы должны тебя благодарить. Чжу-гээр теперь член нашей семьи, и если кто-то смеет его оскорблять — значит, мы плохо его защищаем. Не беспокойся о неприятностях. Поверь, та девица больше и рта не раскроет.

Слова хозяйки успокоили Цинъюя — он понял, что друг в надежных руках.

— Раз так, я, пожалуй, пойду.

— Хорошо, тогда... — Обернувшись в поисках Фан Вэньли, У Ваньнян увидела, что тот уже стоит прямо за спиной юноши. Она понимающе улыбнулась. — Я велю заложить карету, чтобы вас довезли.

Цинъюй обернулся к учителю. Тот молчал, глядя на него затуманенным взором — в его глазах блестела влага, которой обычно не было. Юноша смутился под этим взглядом и неловко кивнул родителям Чжоу.

Когда карета тронулась, Фан Вэньли сидел тихо, не проронив ни слова. Цинъюй попросил возницу подождать, пока они поговорят.

В доме Фан горели свечи. Юноша вошел первым, а учитель медленно следовал за ним, точь-в-точь наступая в его следы.

— Хозяин, хозяин Сяо Юй! — А Сю, услышав шум, выскочил навстречу. Почуввав густой запах вина, исходящий от Фан Вэньли, он лишь покачал головой и тут же скрылся на кухне — варить отвар от похмелья.

— Ну и где будем говорить? — спросил Цинъюй. Не дождавшись ответа, он обернулся: — Ты что, совсем пьян?

Мужчина слегка покачнулся. Его рука медленно поднялась и коснулась плеча юноши — осторожно, как кошка трогает лапой воду, и тут же отстранилась.

— Нет, — тихо ответил он, опустив ресницы.

Цинъюй покосился на свое плечо:

— Так и будем стоять? Что ж, ладно.

А Сю высунулся из кухни:

— Чего стоять-то? Проходите в залу, дверь открыта. Холодно же на улице!

И впрямь, ночной ветер пробирал до костей. Лунный свет падал на полы халата учителя, которые мерно колыхались на ветру. Юноша вздохнул и прошел в дом. Внутри было тепло; они сели друг напротив друга. Он снял плащ и положил перед собой, решив, что вернет его только после стирки.

Помня о ждущем кучере, Цинъюй сразу перешел к делу:

— Когда ты планируешь свадьбу?

Фан Вэньли внезапно посмотрел на него и едва заметно улыбнулся. Оказалось, на одной его щеке есть ямочка. Цинъюй смутился и отвел взгляд:

— Нечего на меня так смотреть. Отвечай.

Цунлю расслабленно откинулся на спинку стула. Его рука небрежно лежала на столе, голова была слегка наклонена, а темные глаза, казалось, впитывали в себя образ сидящего напротив.

— Не хочешь говорить? Тогда я начну, — не дождавшись реакции, продолжил Цинъюй. — Я обещал выйти за тебя и слова своего не нарушу. Но дома еще много дел, так что давай немного подождем. Что скажешь насчет пятого или шестого месяца?

Фан Вэньли прищурился, не сводя с него взгляда.

— Ну?

«Он что, хочет, чтобы я мысли читал?»

— М-м, — наконец отозвался учитель, едва заметно моргнув.

— Вот и славно, — выдохнул Цинъюй. — И еще: я бы хотел, чтобы о свадьбе знали только те, кому действительно положено. Можно обойтись без пышных празднеств?

— М-м.

— У меня всё. У тебя будут какие-то пожелания?

— М-м.

Юноша почувствовал, как закипает. Он оперся руками о стол, подался вперед и принялся пристально разглядывать мужчину.

— Ты точно не пьян в стельку?

— Нет.

С виду и впрямь не скажешь. Лицо бледное, разве что в глазах влаги прибавилось, да слов поубавилось.

— Раз так, я пойду, люди ждут, — он приподнял плащ. — Это я постираю и верну.

— М-м.

Циньюй встал, но стоило ему сделать шаг, как кто-то легонько придержал его за рукав. Он опустил взгляд: край его одежды сжимали два длинных, бледных пальца.

— Что еще?

Фан Вэньли мгновенно выпрямился и уставился на него, не мигая. Циньюй устало вздохнул.

Вошел А Сю с дымящейся чашей. Увидев, как юноша пытается вести переговоры с «бревном», он сочувственно улыбнулся:

— Хозяин Сяо Юй, да пьян он.

— Пьян? Да там вино — как вода, с чего бы ему пьянеть?

Юноша помахал ладонью перед лицом Цунлю. Тот даже не шевельнулся, лишь его пальцы медленно скользнули вниз и едва ощутимо сжали мизинец.

— Сяо Юй...

— Сильно кружится голова?

Фан Вэньли молча притянул руку юноши к себе и прижался лбом к его тыльной стороне ладони. Замер.

«Надо же, какой послушный...»

Циньюй тут же одернул себя и выдернул руку. В смятении он бросил слуге:

— Присмотри за ним, я ухожу.

Но не успел он дойти до двери, как его снова поймали за рукав. На этот раз хватка была железной — на руке учителя даже выступили вены.

А Сю, решив помочь хозяину, вставил:

— Хозяин Сяо Юй, может, поможете ему отвар выпить?

— Ну, пускай пьет.

Стоило слуге подойти с чашей, как Цунлю вскинулся. Взгляд его мгновенно стал холодным и пугающим, точно у змеи; он еще крепче вцепился в Цинъюя, враждебно глядя на А Сю. Тот, почувствовав, как по спине пробежал холодок, поспешно отступил, поставив чашу на стол.

— Ты чего испугался? — не понял юноша.

— Он меня и на шаг не подпускает, — покаянно прошептал А Сю. — Может, вы попробуете?

Цинъюй обернулся к мужчине.

«Да что за характер такой?!»

Он нахмурился и сделал шаг вперед. Фан Вэньли тут же расплылся в улыбке, хотя при этом выглядел как-то робко и даже немного попятился.

Юноша, видя такое дело, решительно навис над ним, буквально заставив того рухнуть обратно на стул. Учитель оторопел.

— Сяо Юй... — в голосе его послышалась такая обида, что у Цинъюя невольно екнуло сердце.

«Надо же, как вино человека меняет»

Он указал на чашу, стараясь выглядеть как можно суровее:

— Пей.

Мужчина нахмурился. А Сю, притаившись в углу, с любопытством вытянул шею. Стоило Цинъюю приказать, как его хозяин послушно взял чашу и осушил её одним глотком. Хорошо еще, что отвар успел остыть до приятного тепла.

— Видишь, — хмыкнул юноша, — всё он понимает. Чего ты боялся? Уже действительно поздно.

— Он попытался высвободить рукав. — Да отпусти же, мне домой пора.

Учитель с грохотом поставил чашу на стол. Несмотря на то, что он продолжал крепко сжимать край одежды, звук получился довольно грозным. Всем своим видом он показывал: не отпущу.

Циньюй попытался разжать его пальцы, но Фан Вэньли, пользуясь моментом, перехватил его ладонь своей — большой, горячей, полностью скрывающей руку юноши. Тот почувствовал, как его обдало жаром, и невольно отступил на два шага.

Учитель поднялся вслед за ним. Было ясно: то, что он поймал — теперь его, и отдавать он это не намерен. А Сю в углу едва сдерживал смехок.

«Ай да хозяин! И когда успел так наловчиться? Может быть грозным, а может и притвориться паинькой. Хоть контраст и велик, но оба способа отлично работают, когда нужно кого-то удержать»

— Помоги мне! — шикнул на него Циньюй.

Слуга сделал вид, что хочет подойти, но стоило ему увидеть взгляд Цунлю, как он тут же передумал.

— Хозяин Сяо Юй, вы уж заберите его с собой, а я карету подам! — крикнул он, пулей вылетая из комнаты. Ради блага господина А Сю был готов на всё, даже самолично править лошадьми, отправив извозчика Чжоу отдыхать.

Циньюй обреченно вздохнул. Учитель по-прежнему смотрел на него своими ясными, затуманенными вином глазами.

— Фан Вэньли... — Юноша готов был взвыть от бессилия. Но ответа не последовало. — Ладно, черт с тобой.

Он зашагал к выходу, стараясь не думать о том, что его рука зажата в чужой ладони. Учитель Фан покорно следовал за ним, едва не наваливаясь на плечо, точно огромная тряпичная кукла.

В карете Циньюй уселся первым. Дождавшись, пока мужчина устроится рядом, он попытался высвободить руку. Тщетно. Пальцы Цунлю сжимали его ладонь так, что она начала ныть.

— Фан Вэньли, — прошипел он сквозь зубы, — за такие вольности другие бы тебя давно поколотили!

Сидевший на козлах А Сю лишь тихо хмыкнул, разворачивая лошадей. Его хозяин не из тех, кто распускает руки по пустякам. Он ждал этого момента долгие годы, и это простое рукопожатие было пределом его сдержанности в таком состоянии. Слуга и сам не понимал, насколько сильно пьян господин — он никогда не видел его таким привязчивым. Прежде, в дни тоски, тот просто часами сидел в комнате с холодным лицом, глядя на дверь.

Карета мерно покачивалась. Циньюй, поняв, что сопротивление бесполезно, отвернулся к окну. Ночь была темной, время близилось к полуночи. В какой-то момент плечо юноши

отяжелело — голова учителя опустилась ему на плечо. От него исходил едва уловимый аромат древесины, который действовал странно успокаивающе.

Цинъюя не слишком заботило это прикосновение, куда больше его беспокоило то, что рука в ладони Фан Вэньли начала потеть. Он замер и, стараясь не дышать, попытался медленно выскользнуть из захвата. Безрезультатно.

«Да что ж это за человек такой!»

Юноша сердито отодвинулся к самому краю сиденья, но мужчина лишь последовал за ним, устроившись еще удобнее.

***

В доме Тао огни давно погасли — берегли масло. Фан У сидел на кровати и в полной темноте массировал ноги мужу.

— Уже так поздно, а Юй-гээр всё не возвращается, — негромко проговорил он. — Душа не на месте. Был бы ты в сознании, сходил бы встретил... Он ведь с тем молодым человеком из семьи Фан уехал... Ночью, вдвоем... Ох, не к добру это.

В темноте пальцы Тао Даланарефлекторно дернулись.

— Всё-таки пойду, гляну. Темнота-то какая, вдруг дороги не увидит.

Фан У, снедаемый тревогой, откинул одеяло и зажег лампу. Он поспешно вышел из комнаты, так и не заметив слабой реакции Тао Далана. Оказавшись во дворе, он увидел вдали тусклый желтый огонек. Сердце екнуло — это возвращался его сын.

Карета остановилась у поворота, и Фан У с лампой в руках поспешил навстречу. А Сю почтительно кивнул ему.

Цинъюй, услышав голос младшего папочки, с силой оттолкнул от себя Фан Вэньли. Тот, вырванный из сладкого забытья, медленно открыл глаза. На мгновение ему показалось, что он всё еще во сне.

Юноша же сердито сверкнул глазами и прошептал:

— Чего уставился? Отпускай живо!

Взгляд учителя прояснился, хотя в голове еще шумело от хмеля. Он с трудом разжал пальцы,

чувствуя, как уходит тепло чужой руки, и непроизвольно сжал кулак, пытаясь удержать это ощущение. Но Цинъюй уже выскочил из кареты.

— Что ж так поздно-то? — строго спросил Фан У, подходя ближе.

— Дядюшка Фан. — Учитель вышел следом и замер рядом.

Отец Цинъюй мгновенно сменил гнев на милость:

— Ах, это вы! Спасибо большое, что довезли Сяо Юя.

— Не стоит благодарности, — мягко ответил Цунлю. Он мельком взглянул на юношу, который продолжал растирать затекшую руку. — На улице зябко, дядюшка, ведите Юй-гээр в дом.

— И то верно. Вы тоже будьте осторожны на дороге!

Фан У еще долго махал вслед удаляющейся карете. Будущий зять нравился ему всё больше — если бы свадьба была завтра, он, пожалуй, и не стал бы возражать.

***

А Сю, видя, как его хозяин продолжает провожать взглядом удаляющуюся фигуру, хотел было что-то сказать, но промолчал. Фонарь на карете раскачивался на ветру, бросая причудливые тени. Высокий силуэт Фан Вэньли, казалось, вот-вот растворится в ночи.

Слуга уже сбился со счета, сколько раз он видел господина в таком состоянии.

— Хозяин, — не выдержал он, — поехали уже. Холодно ведь.

Тот не шевельнулся. И тут тишину прорезало громкое:

— Апчхи!

А Сю мгновенно лишился своего меланхоличного настроения:

— Вот! Я же говорил — одевайтесь теплее, простудитесь ведь! А вы что? Видите теперь?!

Фан Вэньли наконец соизволил удостоить его взглядом. Слуга, не переставая ворчать, едва ли не силой затолкал его в карету. А Сю возмущенно подумал, что целой корзины его слов не хватит, чтобы перевесить один взгляд Хозяина Сяо Юй.

Тем временем в доме Тао Фан У, прикрывая ладонью пламя лампы, вел сына в комнату.

— Ну, как всё прошло у Чжоу? — как бы невзначай спросил он.

— Вкусно было. Получше, чем у нас в деревне, — улыбнулся Цинъюй, приобнимая папочку за плечи.

Увидев, что сын в хорошем настроении, Фан У успокоился — значит, у Чжу-гээр всё сложилось удачно.

Оставив лампу сыну, отец ушел спать. Цинъюй быстро умылся и юркнул под одеяло. Стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором поплыли события прошедшего дня. Он уже начал погружаться в сон, как вдруг вздрогнул и принялся лихорадочно растирать ладони.

«Странно всё это...»

Он поворочался с боку на бок, пытаясь уснуть, но внезапно сел в постели и хлопнул себя по лбу.

— Проклятье!

Он ведь совсем забыл — Фан Вэньли был пьян! Значит ли это, что весь их разговор о свадьбе теперь не в счет?

— Юй-гээр, ты чего не спишь? — донесся из-за стены голос Фан У.

— Сплю я! — буркнул юноша и повалился на подушку. Фан У в своей комнате лишь улыбнулся и прошептал на ухо мужу: — Наверняка о Цунлю думает.

«Надо будет как-нибудь снова с ним встретиться и всё уточнить», — была последняя мысль Цинъюя перед тем, как сознание окончательно провалилось в сон.

***

На следующее утро деревня проснулась с первыми криками петухов. Туман окутал горы, а первые лучи солнца едва пробивались сквозь облака. Погода обещала быть ясной — самое время поработать на свежем воздухе.

После завтрака во дворе семьи Тао собрались домочадцы. Женщины подшивали детскую одежду, сидя спиной к свету; третий дядя чинил мотыгу; Второй дядя, вооружившись резцом, сосредоточенно работал над куском дерева.

Цинъюй, оглядевшись, устроился рядом с Цинмяо прямо напротив Тао Синлуна. Тот работал быстро и уверенно, и вскоре в его руках начала проступать фигурка маленького Сяо Хуана.

— Здорово! — восхитился Цинмяо.

Цинъя, сидевший рядом с отцом, тоже подтянулся поближе, с любопытством разглядывая работу. Юноша взял деревянную собачку, которая выглядела совсем как живая, и сравнил её с настоящим Сяо Хуаном, вертевшимся под ногами.

— Мастерство-то не пропьешь, — улыбнулся он.

Второй дядя, чья нога в гипсе покоилась на скамеечке, скромно ответил:

— Да ладно тебе, застоялся я совсем.

Цинъюй почесал Сяо Хуана за ухом, не сводя глаз с фигурки, которую уже успел прикарманить Цинъя.

— Дядя, а если у тебя будет время... сможешь еще таких нарезать?

— Если тебе нравится — конечно, наделаю.

Продавец рыбы улыбнулся, ничего не ответив. Сун Хуань, глядя на гипс мужа, заметила:

— Через пару дней в таверне начнется работа. Пускай Циншу идет первым, а я пока за тобой пригляжу. Как поправишься — сам выйдешь.

Улыбка на лице Тао Синлуна погасла. Он посмотрел на свою ногу, и в мыслях его снова всплыл образ старшего брата.

— Я и сам справлюсь.

Заметив, что разговор снова свернул на больную тему, Ян Цюэ легонько подтолкнул невестку:

— Погляди-ка, здесь как лучше шов пустить?

Внимание Сун Хуань мгновенно переключилось. Цинъюй тем временем продолжал:

— Дядя, мне бы много таких фигурок... Не только Сяо Хуана, сможешь других зверей вырезать?

— Отчего не смочь? Вот только руку набью и нарежу, сколько скажешь, — ответил Тао Синлун, снова повеселев.

— И мне! И мне надо! — закричал Цинья.

— Всем достанется, — пообещал Второй дядя.

Юноша прищурился на ярком солнце. Несчастный случай — на то и несчастный, никто дядю не винил, но тот явно изводил себя упреками.

«Хоть бы отец поскорее пришел в себя...»

Смахнув пыль с одежды, юноша направился в дом — снова поговорить с Тао Даланом.

<http://bllate.org/book/15858/1444077>